

«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» vs. «СВОБОДНЫЙ И ОТКРЫТЫЙ ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»:

СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА РЕГИОНАЛЬНУЮ ИНТЕГРАЦИЮ (ВЗГЛЯД ИЗ ИНДИИ И ЯПОНИИ)

Забелла Анастасия Александровна кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры ТИМО, кафедры иностранных языков РУДН, Россия, Москва, zabella-aa@rudn.ru,

Пенькова Екатерина Андреевна

аспирант кафедры ТИМО РУДН, Россия, Москва, 1032202011@rudn.ru,

Фивейская Маргарита Сергеевна

аспирант кафедры ТИМО РУДН, Россия, Москва, 1032203775@rudn.ru,

Аннотация: Юго-Восточная Азия занимает центральное место с точки зрения как геополитики, так и соперничества двух мегапроектов, с прицелом на синоцентричную и японо(американо)центричную глобализации. Регион становится плацдармом усиливающейся конкуренции за «управление» стратегическим ландшафтом между КНР и США. Статья выполнена в рамках теории формирования в регионе мегапартнерств. Цель статьи заключается в анализе подходов изучаемых стран и США к формированию мегапартнерств в ЮВА, а также выявлении основных конкурентных преимуществ изучаемых инициатив для стран ЮВА.

Ключевые слова: ЮВА, Китай, Индия, Япония, США, «Один пояс, один путь», «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», регионализация, мегапартнерства

“One Belt, One Road” vs. “Free and Open Indo-Pacific”: rivalry for regional integration (views from India and Japan) *Abstract:* Southeast Asia is central both in terms of geopolitics and the rivalry between the two megaprojects, focused on sinocentric and japanese(american)centric globalization. In terms of global and regional leadership, the region is becoming a competitive area for "control" of the strategic landscape between the PRC and the USA. The article is devoted to the regionalization processes through the prism of the theory of the formation of mega-regional blocs. The purpose of the article is to analyze the approaches of Japan, India and the USA to the formation of mega-partnerships in Southeast Asia, as well as to identify the main competitive advantages of the studied initiatives for the Southeast Asian countries.

Keywords: SEA, China, India, Japan, USA, "One Belt, One Road", "Free and Open Indo-Pacific region", regionalization, megapartnerships

Anastasia A. Zabella, PhD in History, senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, the Department of Foreign Languages of RUDN University, zabellaaa@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7082-5073>

Ekaterina A. Penkova, post-graduate of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University, 1032202011@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1363-3723> **Margarita S.**

Fiveyskaya, post-graduate of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University, 1032203775@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8621-2474>

For citation: Zabella A.A., Penkova E.A., Fiveyskaya M.S. “One Belt, One Road” vs. “Free and Open Indo-Pacific”:

rivalry for regional integration (views from India and Japan). *YugoVostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. IV,

№ 4 (53). Pp. 5–19. DOI:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-005-019

Юго-Восточная Азия является наиболее динамично развивающимся регионом, чему способствуют углубление глобализационных процессов, региональное и трансрегиональное сотрудничество. Одновременно, ЮВА становится кейсом отхода от классической теории экономической интеграции Б. Балаши, предполагающей единство экономических и политико-правовых элементов. Напротив, в регионе происходит синергия различных стадий интеграции, фрагментация и в то же время создание новых механизмов. Разноскоростное, разнонаправленное взаимодействие между государствами и одновременное слияние рынков привело к формированию такого понятия, как «мегапартнерство»¹.

Б. Хейфец выделяет три типа мегапартнерств: 1) американо-европейский; 2) азиатский; 3) гибридный. К американо-европейскому типу, по мнению теоретика, можно отнести Транстихоокеанское партнерство (в нынешнем состоянии ТПП-11, без США), которое реализуется по модели «ВТО +» и предполагает, что каждый участник берет на себя выполнение обязательств по условиям торговли. Ко второму типу стоит отнести Региональное всестороннее экономическое партнерство (в нынешнем виде ВРЭП – Всестороннее региональное экономическое партнерство), которое стало новой ступенью интеграционного взаимодействия прежде всего между странами АСЕАН и Китаем. Третий «гибридный» тип включает в себя более гибкие мегапартнерства, например: «Один пояс, один путь», а именно два мегапроекта в рамках данной инициативы: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века». К третьему типу можно отнести и японскую концепцию «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион».

Теоретической основой исследования также стал мирсистемный подход И. Валлерстайна. Мир-системный подход включает в себя эпистемиологическую парадигму и общесоциологическую теорию. Главной особенностью данной теории является тот факт, что в рамках нее мир делится на три системы: центр, полупериферию и периферию. Однако стремительный

экономический рост Китая бросает вызов классическим мирсистемным подходам и объясняет важность для китайской стороны укрепления своих позиций на международной арене, в том числе в ЮВА, посредством наращивания сотрудничества со странами региона по линии инициативы «Один пояс, один путь».

Расширение трансрегиональных коммуникаций и их институционализация дают почву для изучения данной проблематики. Здесь можно выделить работы таких отечественных исследователей, как А.Д. Воскресенский², К.А. Ефремова³, Е.В. Колдунова, А.А. Киреева, Д.А. Кузнецов⁴ и др.

Таким образом, изучаемые китайский и японский проекты можно отнести к сетевому трансрегиональному объединению и смело утверждать об актуальности исследуемой проблематики. **Создание контуров ИТР**

В ЮВА усиливается влияние двух противоборствующих сил: КНР и США, а также Индии и Японии, которые по-разному представляют региональную архитектуру. По мере нарастания экономической и военно-политической конкуренции между КНР и США, театр конфронтации стал смещаться с Азиатско-Тихоокеанского в сторону Индо-Тихоокеанского региона. Понятие «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР, ИндоПацифика) на сегодняшний день является одним из самых обсуждаемых и противоречивых в экономическом и геополитическом дискурсе. Право «первооткрывателя» термина стоит за ведущим теоретиком немецкой геополитики К. Хаусхофером, который в 1920-е годы опубликовал работу под названием «ИндоТихоокеанское пространство». К. Хаусхофер предвидя мощный потенциал «Азиатских стран с муссонными дождями» заложил основу для последующей проработки концепции⁵.

В XXI веке исследователи стали обращать внимание на контуры создания нового региона именно с точки зрения безопасности. Японские и индийские ученые обратили внимание на наличие общих закономерностей «от

юга Японии до севера Австралии и от Гавайских островов на востоке до Красного моря»⁶. Изначально, из абстрактной идеи индийского аналитика Г. Кхуран, опубликовавшего в 2007 г. статью «Безопасность морских путей: перспективы индийско-японского сотрудничества» в журнале «Strategic Analysis»⁷, ИТР эволюционировал в основу региональной политики Австралии, Индии, США и Японии. Данная идея нашла положительный отклик со стороны бывшего премьер-министра Японии С. Абэ, который выступая в индийском парламенте с речью «Слияние двух морей» (Индийского и Тихого океанов), призвал создать на просторах ИТР «дугу свободы и процветания»⁸ и ратовал за создание «большой Азии». По мнению С. Абэ, «“большая Азия”, которая разорвала географические границы, теперь начинает приобретать отчетливую форму. У наших двух стран есть возможность — и ответственность — обеспечить ее дальнейшее расширение...»⁹.

Расширение географических рамок региона во многом обусловлено увеличивающимся влиянием КНР. Характерной чертой дискурса о контурах создания ИТР, особенно в версии США, – яркий антикитайский окрас. При Д. Трампе деградация китайско-американских отношений лишь набирала обороты, приобретая системный характер. При администрации Д. Трампа в нормативно-правовых документах по внешней политике США закрепилось понятие ИТР, о котором речь шла в «Стратегии национальной безопасности» и «Стратегии национальной обороны»¹⁰. В документах подтверждаются опасения о том, что китайская сторона обладает потенциалом, способным превратить КНР в конкурента американского доминирования в мире, что определяет важность продвижения новой геополитической концепции – «Индо-Пацифика».

Администрация Д. Байдена во многом продолжила курс предшественника на «сдерживание КНР» и укрепление отношений в рамках Четырёхстороннего диалога по безопасности (QUAD), который, по мнению С. Абэ, представляет собой «азиатский демократический бриллиант

безопасности»¹¹. Причины образования QUAD связывают с коллективной реакцией стран на цунами, которое обрушилось на территорию государств Индийского океана в декабре 2004 г. И уже 29 декабря 2004 г. президент США Дж. Буш-младший заявил о создании международной коалиции для координации действий в регионе Индийского океана, в состав которой должны были войти США, Индия, Япония и Австралия¹².

12 марта 2021 г. состоялся первый саммит QUAD с участием глав четырех государств. В фокусе внимания были вопросы безопасности в ИТР, усиливающаяся роль КНР, вакцинация, вопросы изменения климата и т.д.

Таким образом, можно утверждать, что США и его партнеры стремятся уравновесить позиции КНР и предложить альтернативные ОПОП инфраструктурные проекты в рамках ИТР. Подтверждением этому служит, стартовавший в 2018 г. ИндоТихоокеанский транзакционный консультационный фонд, принятая «Инициатива по подтверждению обязательств США в Азии» (Asia Reassurance Initiative Act – ARIA) на период с 2019 г. по 2023 г., одной из задач которой является предоставление 1,5 млрд долл. США, в том числе на крупные инфраструктурные проекты в регионе¹³.

Становление и развитие ОПОП

Придя к власти в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил о реализации инициативы «Один пояс, один путь», которая включает в себя два смежных мегапроекта: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века». Данные проекты призваны экономически соединить Китай с внешним миром посредством различных проектов, в основном инвестиционных.

Особое внимание в рамках ОПОП отводится стремлению реализовать «китайскую мечту» о великом возрождении нации, которое предполагает достижение двух «целей столетия»: построение к столетию КПК в 2021 г. общества средней зажиточности 小康社会 (сяокан шэхуэй), построение к

столетию КНР в 2049 г. богатого, сильного, демократического, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства.

В 2015 г. были концептуально закреплены основные направления и концепции реализации ОПОП. В частности, согласно документу инициатива реализуется по пяти направлениям (политика; инфраструктура и транспортно-логистическое сообщение; либерализация торговых контактов; свободное движение капитала; развитие культурных и социальных связей), в рамках четырех концепций (мир и сотрудничество; открытость и толерантность; взаимное обучение; взаимная выгода и обоюдный выигрыш), а также в рамках трех сообществ (сообщество с общей ответственностью; сообщество с общими интересами; сообщество с единой судьбой)¹⁴.

Безусловно, особое место в реализации ОПОП отводится государствам ЮВА, которые традиционно являются приоритетным внешнеполитическим направлением КНР, ввиду не только географической, культурной, исторической близости, но и вопросов безопасности.

По мнению президента РСМД, министра иностранных дел России (1998-2004 гг.) И.С. Иванова, «ОПОП необходимо рассматривать не только как экономический проект, сколько как попытку найти альтернативный подход к переформатированию мирового порядка. Не «сверху» — через радикальное преобразование старых и создание новых институтов глобального управления. А «снизу» — через последовательную реализацию конкретных региональных и континентальных проектов, предполагающих самые разнообразные и максимально гибкие форматы подключения потенциальных участников»¹⁵.

Взгляд из Индии После начала реализации китайской инициативы ОПОП произошли некоторые подвижки во внешней политике Индии в отношении Азии. Так, премьер-министр Индии Н. Моди решил заменить политику «Look East» («Взгляд на Восток») на «Act

East» («Действуй на Востоке»), с целью углубления связей с АСЕАН и странами АТР.

В соответствии с ней юго-восточная часть Индийского океана, выходящая к Тихому океану, Южно-Китайскому и Восточно-Китайскому морям, западная часть Тихого океана и их прибрежная зона стали зоной морских интересов Индии¹⁶.

Дальнейшие шаги были направлены на укрепление отношений с США и Японией. Так, в январе 2015 г. с президентом США Б. Обамой Индия подписала «Совместное заявление о стратегическом видении Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана»¹⁷, определив географический охват своего партнерства от «Африки до Восточной Азии для поддержки устойчивого инклюзивного развития, региональной взаимосвязанности [...] развития инфраструктуры»¹⁸. В документе особо отмечается важность трехстороннего диалога с Японией, и тот факт, что теперь АТР объявлен приоритетом для США, а Индийский океан – для Индии¹⁹. Год спустя США дали статус Индии как «основного партнера США по обороне»²⁰, подписали «Меморандум о соглашении по логистическому обмену (ЛЕМОА)», что способствовало выведению США в качестве крупнейшего поставщика военного оборудования в Индию²¹. В декабре 2015 г. Индией и Японией был подписан документ «Видение 2025 Специального стратегического и глобального партнерства Японии и Индии. Сотрудничество в целях мира и процветания в ИндоТихоокеанском регионе и во всем мире»²², что стало отправной точкой к совместным действия по продвижению формирования нового региона на азиатском направлении.

Премьер-министр Н. Моди в своей речи на Азиатском саммите по безопасности «Диалог Шангри-Ла»²³ дал географическое определение ИТР как региона «от берегов Африки до берегов Северной и Южной Америки»²⁴. Им был представлен план видения «Индо-Пацифики» состоящий из 6 пунктов:

1. Это свободный, открытый и инклюзивный регион, включающий как страны, расположенные в нем географически, так и те, которые имеют там интересы, направленные на стремление к общему прогрессу и процветанию.
2. Ядром ИТР является ЮВА, а главная роль отдана АСЕАН. Индия «стремимся к сотрудничеству для построения архитектуры мира и безопасности в этом регионе»²⁵.
3. Общепринятый порядок, основанный на нормах и правилах, согласии всех сторон уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга.
4. Основа ИТР – равный доступ к морскому и воздушному пространству, мирное разрешение споров в соответствии с нормами международного права, общее видение борьбы с преступностью и терроризмом, защиты от стихийных бедствий, сохранения экологии и процветания морской экономики.
5. Открытый и стабильный режим международной торговли, который будет способствовать преуспеванию всех стран ИТР.
6. Строительство инфраструктуры в регионе посредством создания «каналов доверия».

Таким образом, периферийное присутствие Индии в АТР остаётся в прошлом. Республика Индия претендует на то, чтобы стать условным центром ИТР. Если в американском понимании основой ИТР является QUAD (Австралия, Индия, Соединённые Штаты, Япония), то в индийском – инклюзивное экономическое и культурное сотрудничество со всеми странами региона с главенствующей ролью АСЕАН²⁶.

Важной особенностью проводимого Индией курса на создание «Свободной Индо-Пацифики» является то, что «Индия не рассматривает ИТР ни как стратегию или клуб с ограниченным числом членов, действия которых направлено против какой-либо страны, ни как группу стран, стремящихся к доминированию»²⁷. Индия положительно относится к включению КНР в

реализацию «Свободной Индо-Пацифики»²⁸, что, безусловно, представляется маловероятным.

В понимании индийского руководства одним из «главных показателей “стратегической автономности” является продвижение «политики расширенного соседства»²⁹. Во-первых, Индия продолжает взаимодействовать со своими ключевыми партнерами. Нью-Дели ежегодно участвует в диалогах «2 + 2» с Австралией, Японией и США, а также в обмене мнениями с другими партнерами. В рамках Четырёхстороннего диалога воплощается желание Индии повысить уровень доверия к ИТР, идея создания которого помещает Индию в центр региональной системы безопасности. Это является ответом на угрозу, исходящую от бурно развивающегося Китая и проявление со стороны Индии готовности взять на себя большую ответственность за безопасность в регионе. Во-вторых, с прибрежными и островными государствами, взаимодействие с которыми на практике позволят «проявить геополитическую предметность понятия ИТР»³⁰. Перед индийским руководством существует задача увеличения финансовой помощи тихоокеанским островным государствам и достижение договорённостей с ними о совместной экономической деятельности. Одними из первых шагов стало возрождение саммитов в 2017 г. Ассоциации стран Индийского океана (IORA), созданной в 1992 г. Для Индии это гибкий инструмент налаживания контактов со странами-членами Ассоциации через стремление объединить прибрежные государства в единый политико-экономический партнёрский союз. В-третьих, еще в 2016 г. Нью-Дели и Токио подчеркнули потенциал и необходимость соединить Азию с Африкой через Индийский океан³¹. Позже эта идея достигла высшей точки был создан «Азиатско-африканский коридор роста» (AAGC), в значительной степени рассматриваемый как прямое противодействие инициативам ОПОП в Африке.

В свою очередь Нью-Дели, являясь одним из родоначальников принципа «неприсоединения» и поддерживая американскую позицию «Индо-

Пацифики», не желает вступать в военнополитический союз под эгидой США. В связи с этим индийское правительство стремится развивать свои интересы в ИТР в рамках «концепции многосторонности на море»³². Индия возглавила создание таких многосторонних институтов как Ассоциация стран бассейна Индийского океана (IORA) и Военноморской симпозиум стран Индийского океана (IONS). Как считают почётный член исследовательского фонда Observer Research Foundation Н. Унникришнан и старший преподаватель международных отношений Центрального университета Кералы У. Пурушотхаман: «в этих структурах отражаются желание и намерение Индии стать глобальным игроком в ИТР, который она считает своей сферой влияния, и отстаивать свои военноморские интересы в условиях нарастания мощи военноморского флота Китая»³³.

Взгляд из Японии

Посыл японской стороны к созданию ИТР во многом строится на антикитайских настроениях. Так, придя на второй срок в 2012 г. премьер-министр С. Абэ продолжил говорить про тревожные тенденции в Восточно-Китайском и Южно-

³⁴

Китайском морях, про концепцию ИТР и необходимость наращивания взаимодействия в рамках QUAD для сдерживания КНР. С. Абэ сделал ИТР отправной точкой для внешней политики Японии в области безопасности, экономической помощи, а также инвестиций³⁵.

В 2015 г. японская сторона анонсировала запуск программы «Партнерство в создании качественной инфраструктуры», которая противопоставлялась китайской ОПОП тем, что в ней предусматривались льготный характер кредитов, соблюдение прав их получателей, а также предоставление гарантий против возможных потерь³⁶. Позже программа была усовершенствована и стала называться «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры». Стоит отметить, что Япония не исключала

возможность сотрудничества с КНР в рамках данной программы с целью здоровой конкуренции и строительства инфраструктурных проектов на благо стран Азии.

На шестой Токийской международной конференции по развитию Африки (TICAD VI) в 2016 г. в своей программной речи японский премьер-министр озвучил усовершенствованное видение ИТР: «превратить моря, соединяющие два континента, в мирные воды, где правит власть закона»³⁷, — иными словами объединить быстро растущую Азию и обладающую огромным потенциалом роста Африку с помощью свободных и открытых Тихого и Индийского океанов. МИД КНР отреагировал незамедлительно, пресс-секретарь Хуа Чуньин, заявила: «Япония попыталась навязать свою волю африканским государствам для получения эгоистических выгод и для того, чтобы вбить клин между Китаем и Африкой»³⁸.

В мае 2017 г. С. Абэ хоть и отказался от личного участия в первом Международном форуме ОПОП, но Японию на нем представлял генерального секретаря правящей Либеральнодемократической партии Т. Никаи³⁹, который отличается прокитайскими настроениями. Министр иностранных дел Японии Ф. Кишида также принял участие в форуме. Участие японской стороны говорит о том, что Япония не выступает против ОПОП, но ожидает, что инициатива внесет свой вклад в региональную экономику в условиях поддержания инклюзивности.

В июне 2017 г. С. Абэ принял участие в 23-й Международной конференции «Будущее Азии», на которой положительно охарактеризовал ОПОП, но подчеркнул необходимость того, чтобы инфраструктура была открыта для использования всеми и развивалась за счет прозрачных и справедливых закупок. Проекты в рамках ОПОП, по мнению С. Абэ, должны быть экономически жизнеспособными и не должны наносить ущерб финансовому состоянию страны-должника⁴⁰.

Во время визита министра иностранных дел Японии Т. Коно в Бруней и Сингапур в феврале 2018 г., им было отмечено, что Япония продвигает свою стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» будучи убежденной в том, что этот регион должен быть «свободным и открытым, и стать краеугольным камнем мира и процветания не только Японии, но и всего мира»⁴¹.

После ухода в 2020 г. С. Абэ с поста премьер-министра Японии, его приемник С. Ёсихиде продолжил курс предшественника и продолжил наращивать взаимодействие со странами ЮВА. Авторы полагают, что занявший в 2021 г. новый премьер-министр от Либерально-демократической партии, К. Фумио продолжит курс на создание контуров нового региона – ИТР.

* * *

Регион ЮВА становится не только местом, где сталкиваются стратегические интересы супердержав за региональное и глобальное лидерство, но и ареной соперничества за выстраивание разных парадигм к созданию мегапартнерств.

Принимая во внимание сложность региональной архитектуры, можно выделить возможные сюжеты развития мегапартнерств.

Первый сценарий предполагает усиливающуюся конкуренцию между ОПОП и ИТР, что приведет к разделению региона на блоки по интересам и сформирует новые разделительные линии. Это может привести к усилению поляризации и поставит под вопрос инклюзивность всего региона.

Второй сценарий может привести к «миске спагетти» (spaghetti bowl). Сложная мозаика региона, переплетение множества соглашений, которые будут частично накладываться друг на друга, затормозит региональную экономическую интеграцию.

Третий сценарий заключает в себе переход от трансрегионализма и мегапартнерств к глобализации.

Проведенный анализ позволил выявить преемственность политики ИТР в Индии, Японии и США. В центре внимания изучаемых государств в деле продвижения ИТР по-прежнему имеет место курс на сдерживание КНР.

1. Хейфец Б. Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: Алетейя, 2019. 288 с.
2. Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях “постзападной” международной реальности. Сравнительная политика, 2017, № 8(2). С. 37-57.
3. Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности. Сравнительная политика, 2017, № 8(2). С. 58-72.
4. Кузнецов Д.А. Дискуссии экспертов о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения. Сравнительная политика, 2017, № 8(2). С. 163-171.
5. Sempa F.P. Karl Haushofer and the Rise of the Monsoon Countries. // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2015/03/karl-haushofer-and-the-rise-of-themonsoon-countries/>
- Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ilisoobshchestvo-edinoy-sudby/>
- Prasad N. India’s Foray into the Indo-Pacific: Embracing Ambiguity through Strategic Autonomy. // IDE-JETRO. URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/InterimReport/2018/pdf/2018_2_40_011_ch07.pdf
7. “Confluence of the Two Seas”. Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Parliament of the Republic of India. // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>
8. Бубнова Н. И. Новая Стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа. РСМ, 2019, №1 (102). С.48-70.
9. Худайкулова А.В., Рамич М.С. “Квад 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. Полис. Политические исследования, 2020, № 3. С. 23-43.
10. Макаревич Д. Индия в Quad: прагматичная игра на завышенных ожиданиях. // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiyav-quad-pragmatichnaya-igra-na-zavyshennykh-ozhidaniyakh/>

- S.2736 — Asia Reassurance Initiative Act of 2018 // Official website of Congress.gov. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/dxfw/jlyd/201601/20160101243342.shtm>
11. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [Продвигать видение и совместные действия по созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1648342411898894774&wfr=spider&for=pc>
12. Иванов И. “Один пояс – один путь” ведет к новому мировому порядку. // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odinpoyas-odin-put-vedet-k-novomu-mirovomu-poryadku/>
13. Singh A.G. 2016 India, China and the US: Strategic Convergence in the IndoPacific // Journal of the Indian Ocean Region, 2016, 163 p.
14. US-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. // Ministry of external affairs India. URL: https://www.mea.gov.in/bilateraldocuments.htm?dtl/24728/USIndia_Joint_Strategic_Vision_for_the_Asia_Pacific_and_Indian_Ocean_Region.
15. Prasad N. India’s Foray into the Indo-Pacific: Embracing Ambiguity through Strategic Autonomy. // IDE-JETRO. URL: https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/InterimReport/2018/pdf/2018_2_40_011_ch07.pdf
16. Darshana M. Baruah. India in the Indo-Pacific: New Delhi’s Theater of Opportunity. // Carnegie Endowment for International Peace, 2019, 35 p.
17. Лексютина Я.В. Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый ИндоТихоокеанский регион» Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2019, Т. 19. № 1. С. 22-34.
18. International Institute for Strategic Studies. 2017a.
19. Asia-Pacific Regional Security Assessment 2017: Key Developments and Trends. Edited by Tim Huxley and William Choong.
20. London: International Institute for Strategic Studies. // IISS. URL: <https://www.andrewerickson.com/2017/05/asia-pacific-regional-securityassessment-2017-to-be-launched-at-shangri-la-dialogue/>
21. Japan and India Vision 2025 Special Strategic and Global Partnership Working Together for Peace and Prosperity of the Indo-Pacific Region and the World. // Ministry of foreign affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/s_sa/sw/in/page3e_000432.html
22. Prime Minister’s Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018). // Ministry of external affairs India. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches->

Statements.htm?dtl/29943/

23. Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018)...

24 Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018)...

26 Куприянов А.В. Конструируя Аркто-Пацифику. // Россия в глобальной политике. <https://globalaffairs.ru/articles/konstruiruya-arkto-paczifiku/>

27. Капур Н., Унникришнан Н. Индия, Россия и Индо-Тихоокеанский регион сотрудничества. Или соперничества? // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indiya-rossiya-indo-tikhookeanskiy-region/>

28.Куприянов А. В. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона // Сравнительная политика, 2020, №2. С.68-75.

29. Choong W. The return of the Indo-Pacific strategy: an assessment. // Australian Journal of International Affairs, 2019, 73(5). P.1-16.

30. Индия в Индо-Тихоокеанском регионе: вызовы и задачи. // Internatioanal affairs. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21468>.

31. Сафронова Е. И. К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке // Японские исследования, 2019, №3. С. 84-111.

32 Унникришнан Н., Пурушотхаман У. Подходы Индии к многостороннему сотрудничеству и евразийским институтам // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/24438/>

33. Унникришнан Н., Пурушотхаман У. Подходы Индии...

34. Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? URL: <https://carnegie.ru/commentary/75706>

35.Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США. // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-89/>

36.Гордеева И. В. Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и позиция Японии: конфронтация или взаимодействие?. Проблемы Дальнего Востока. №3, 2020, С.53-66.

37. Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/af2/af2/page4e_000496.html

38.Богуславский А. Япония–Китай: битва за Африку? // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-kitay-bitva-zaafriku/>

Shin K. The risks of One Belt, One Road for China's neighbors // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2018/04/24/commentary/worldcommentary/risks-one-belt-one-road-chinas-neighbors/>

39."Asia's Dream: Linking the Pacific and Eurasia" — Speech by Prime Minister

Shinzo Abe at the Banquet of the 23rd International Conference on The Future of Asia. // Cabinet Public Affairs Office. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201706/1222768_11579.html

Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. №2, 2018, С.32-43.

Статья впервые опубликована в журнале «Юго-Восточная Азия.

Актуальные проблемы развития

© Забелла А.А., Пенькова Е.А., Фивейская М.С., 2021.

Для цитирования: Забелла А.А., Пенькова Е.А., Фивейская М.С.

«Один пояс, один путь» vs. «свободный и открытый ИндоТихоокеанский регион»: соперничество за региональную интеграцию (взгляд из Индии и Японии) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том IV, № 4 (53). С. 5–19. DOI:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-005-019